

3. Ягич обратился к литературному оформлению материалов своих публичных курсов, следуя настойчивым пожеланиям земляков.

Следует полагать тем самым, что осуществленная книга, помимо само собою разумеющейся цели — сообщения некоей новой для сербохорватского читателя информации, — преследовала еще задачу, в равной степени интересовавшую как самого автора, так и представителей сербохорватской общественности.

Напомним, что как раз в это время он заканчивал печатание и последние доработки громадного корпуса — «Corpus grammaticum sloveno-russicum» («Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке», СПб., 1895), продолжал печатание второго тома «Источников для истории славянской филологии» (СПб., 1897), писал и печатал монографию о «гайных языках у славян»¹²

Для Ягича XVIII век — переходная эпоха от пронизанной обрядовой религиозностью средневековой русской литературы к передовым идеям европейского Просвещения и энциклопедистов, от «стремлений к христианско-византийским идеалам», заставлявшим «на все, что приходило с Запада, смотреть как на опасность, угрожающую как раз основам византийского христианства»,¹³ к просветлению литературы и литературных деятелей светом западных идей и настроений, достигшим своего высшего уровня в мужественном выступлении Радищева (с. 154—162) и особенно в «эпохе Карамзина» (с. 217—258).

Книга состоит из четырех разделов: «Из допетровской эпохи» (с. 1—36), «Петровская эпоха» (с. 37—97), «Эпоха царицы Екатерины» (с. 98—216), «Карамзинская эпоха» (с. 217—258). В пределах каждого раздела материал дробится по авторам; иногда несколько авторов объединяются по жанровому признаку в одной главе (например, Княжнин, Лукин, Аблесимов, Веревкин), иногда одному автору уделяется более одной главы (например, Державину: «Оды Кострова, Державин до 1782 г.», «Державин от 1782 по 1796 гг.», «Державин после смерти Екатерины. В. Капнист»).

Изложение материала ведется с позиций историко-культурной школы: статьи А. Н. Пыпина по истории русской литературы, еще не собранные в получившие широкое распространение четыре тома, совершенно очевидно, служили образцом для венского ученого. О них он не только с большим уважением упомянул в письме к Пыпину 2 марта 1894 г., но и весьма комплиментарно

¹² Die Geheimsprachen bei den Slaven — Sitzungsberichten Akademie der Wissenschaften, Wien, Klasse philosoph-historische, Bd. CXXXIII, 1895, — все это, не считая обычной разносторонней напряженной работы по журналу «Archiv für slavische Philologie»

¹³ Јагић V Ruska književnost u osmnaestom stoljeću, s 3 (в дальнейшем ссылки на страницы этой книги даются в тексте)